

УДК 8.811.161.1:82/811

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ: СМЕХ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Акимова Екатерина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Тула, Россия

Статья посвящена вопросу репрезентации «смешного» посредством фразеологических единиц в романах Александра Проханова как одному из способов раскрытия характерных особенностей идиостиля писателя.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразема, комическое, смех, юмор, ирония, сатира, язык, идиостиль.

Иностранцев приводит в изумление насмешливый характер русского человека, способность русских к самоиронии и веселая бесшабашность в отчаянных положениях. Смех – не только суть человеческого мировоззрения, но и характерная черта русской ментальности. Склонность русских к шутке в самом серьезном деле отмечалась многократно, но только русские писатели, по наблюдению В. В. Колесова, отмечают, что «юмор есть признак таланта» (Михаил Пришвин), что «без юмора нет ума» (Дмитрий Лихачев), что «смех есть наименьшая единица освобождения» (Татьяна Горичева), да и вообще «без смешного не бывает и жизни» (Федор Достоевский), потому что без шутки ни говорить, ни писать нельзя (Алексей Хомяков). Благоговение перед высоким и насмешка над пошлым и низким идут рядом, заметил Николай Гоголь, и эта особенность русского характера весьма заметна. Бытие и быт сплетаются в общую нить жизни именно в момент, когда делают выбор между ними там, где и возникает ирония: «где ум живет не в ладу с сердцем» (Георгий Федотов). На смех надо осмелиться, нужно посметь осмеять. Историки культуры утверждают, что смех коррелирует страха [5].

По замечанию В. Т. Бондаренко, «смеховая культура русской фразеологии исследована незаслуженно мало» [2, с. 75]. Особого внимания следует уделить вопросу репрезентации смеха языковыми средствами в идиостиле отдельного писателя. Объектом нашего рассмотрения стали фразеологизмы, имеющие коммуникативно-прагматическую целеустановку на создание комического эффекта, в романах Александра Проханова.

По В. Т. Бондаренко, одним из структурных видов шутливых фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу, являются субстантивные фраземы [2, с. 76]. В романе Проханова «Последний солдат империи» в речи Истукана, обращенной к Меченому, содержится пример трансформации субстантивной фраземы *профессор кислых щей*: «Ты уйдешь со всех

постов!.. Добровольно!.. У тебя больше нет власти!.. Силловые министерства я замкнул на себя!.. С Америкой я договорился сам, и они тебя больше не примут!.. Через два дня я запрещу Компартию!.. Через три месяца распушу Союз!.. Ты будешь президент кислых щей!..» [13, с. 491]. Замена лексемы профессор на президент приближает шутовское содержание фраземы к сатирическому: речь идет о наблевшем вопросе – переходе государственной власти от одного человека к другому.

Кроме фразем, к шутовым фразеологизмам относятся крылатые выражения, пословицы и поговорки. Яркий пример находим в романе «Крейсерова соната», в котором представлено подобие столкновения агентов спецподразделения и людей «со свалки», одним из которых является некто Иван Иванович: *«Сотни помидоров красными комочками полетели навстречу незваным пришельцам, попадали им в голову, расплющивались на шляпах, залепляли пистолетные стволы и ресницы глаза... Вдогонку им (агентам – Е. А.) полетел старый футбольный мяч, начиненный взрывчаткой, который лопнул над убегающими пыльным, трескучим взрывом. – Псы-рыцари!.. – презрительно произнес Иван Иванович. – **Кто с мячом к нам придет, от мяча и погибнет!**..» [12, с. 445]. Легко угадывается крылатая фраза *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет.**

В устах героя «Крейсеровой сонаты» крылатая фраза претерпевает трансформацию – замену компонента *меч* на *мяч*, которые в формах творительного и родительного падежей, фонетически перестают дифференцироваться (содержат гласную фонему в слабой позиции). Игра слов в данном случае представляет собой пример лексического варьирования, основанного на омонимии отдельных грамматических форм.

Ярким примером создания каламбура в романе «Крейсерова соната», «любимой прохановской работе из „галлюцинаторных“, „сделанных в босхианской эстетике“» [4, с. 617] служит «смешение» существительного *грех* и сходной с ним по звучанию фамилии известного политика. *«На кафедре находился Министр экономики со странной фамилией Грех, которую он при знакомствах произносил с самоиронией, тут же прибавляя: «Грех первородный», – чем вызывал неизменные улыбки знакомцев» [12, с. 203].*

В «галлюцинаторных» романах Проханова одним из главных становится мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума». Именно такая картина представлена в эпизоде, когда Роткопф лишает электричества один за другим регионы России, в том числе, и Москву. *«Погасла карта вокруг столицы, а вместе с картой погасли кремлевские звезды, (<...> потухли телеэкраны, и на них как духи растворились одесские юмористы, что вызвало шок у москвичей. Тысячами люди повалили на улицу, на горбатый мостик, с гневными политическими лозунгами: «Жванецкого в Президенты!», «Патриарх, заступись за Карцева!», «Задорнов, будь задорней!», «И смех, и Грех!». Здесь имелся в виду Министр экономики, обещавший гражданам смех по льготным тарифам» [12, с. 220]. Если в первых трех лозунгах (так же представляющих собой примеры языковой игры) звучат фамилии подлинных юмористов, то в последнем, представляющем собой русскую поговорку, – явное обращение к политическому деятелю. Такой «набор»*

лозунгов свидетельствует об ироничном отношении писателя к определенным «народным избранникам».

Обращаясь к диахроническому аспекту комического в языке, В. В. Колесов пишет, что «в древности смех рождается в словесной игре: скоморох балагурит, «говорит-сказывает», юродивый прорицает в слове, мудрый советник изрекает неожиданное. Неожиданность слова, непредсказуемость дела вызывают смех. Основной источник смеха не действие, а слово. Слово, которое вызывает энергию действия» [5]. Иллюстрацией к такому «балагурству» может служить другой пример из того же «Теплохода»: «– Да это только начало! – с энтузиазмом воскликнули усы Михалкова, которые, едва отошел капитан Яким, заняли свое место рядом с Есаулом. – Сбывается замечательный „Национальный проект“, задуманный Никитой Сергеевичем. Сам он сейчас на съемке автобиографического фильма „Севильный цирюльник“, он бы лучше вам рассказал. Но я кое-что знаю. Желаете, расскажу? – Усы Михалкова смотрели на Есаула выпуклыми глазами беспардонного плута и весельчака» [14, с. 376]. В речи героя наблюдаем смешение названий оперы Россини «Севильский цирюльник» и кинофильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» способствует созданию ситуации «смех ради смеха». Важно заметить, что речь идет именно о «прохановском» юморе, своеобразии которого подтверждается уже тем, что смешное рассматривается в контексте такого гротескного жанра, как памфлет, где художественные образы людей подобны уродливым отражениям в кривых зеркалах, а значит, юмор как добродушный смех связан в идиостиле Проханова с иронией и сатирой.

В уже упомянутой выше «увертюре, посвященной собственно катастрофе „Курска“» [4, с. 599] – романе-трагифарсе «Крейсерова соната», во время концерта на сцену «...выскочили страшные полуголые мужики... Самый громадный из них с портупеей на голом торсе, с бобриком, то и дело хватаясь за маузер, пугающе громко запел: **Комбат-маманя, маманя-комбат!**...» [12, с. 475]. В примере лексического варьирования фразы легко узнаются слова известной популярной песни группы «Любэ». Если целью такой трансформации можно считать создание просто смешной ситуации, то подобные изменения в словах русской народной песни в «Теплоходе „Иосиф Бродский“» уже далеки от добродушного юмора: «*Во поле ракетушка стояла, / Во поле бесхозная стояла. / Люли, люли, стояла, / Люли, люли, стояла...* <...> *Некому ракету снаряжать, / Некому родную запускать, / Люли, люли, снаряжать, / Люли, люли, запускать...* <...> *Уж как мы ракету задолбаем, / Уж как мы родную заламаем, / Люли, люли, задолбаем, / Люли, люли, заламаем...*» [14, с. 241–242]. Песенные строки сменяют картины разработки и внедрения «широкой программы ликвидации ракетно-ядерного потенциала России» [там же]. Замена целых групп лексических компонентов в тексте русской народной песни «Во поле береза стояла...» способствует реализации яркого приема иронии по отношению к лжеправителям, превращающим «ядерной державу» «в „страну березового ситца“, как писал великий русский поэт Есенин» [там же].

Средством создания комического является часто отступление от языковой нормы, приводящее к намеренному нарушению словообразовательного стандарта. Так, в романе «Господин Гексоген» наблюдаем иллюстрацию нарушения принятого

словообразования имени царицы Семирамиды, супруги ассирийского царя Шамши-Адада V, правившей в Вавилоне после смерти мужа в 810 – 782 гг. до н. э.: «...Мэр соорудил через Москву-реку магистральный бетонный мост, а старый, облицованный камнем, из утомленной от времени узорной стали, передвинул на новое место, к Нескучному саду... Подарил его москвичам как стеклянную, переброшенную через реку галерею, из которой открывался великолепный вид на воду. <...> Стеклянная галерея напоминала ботанический сад из-за обилия экзотических пальм, араукарий, лавров, магнолий... Проходящая мимо Белосельцева знаменитая актриса громко, желая привлечь внимание, произнесла: – **Висячие сады Се-МЭР-амиды!** – и в ответ ей, дымя сигаретой, засмеялся известный парламентарий» [10, с. 507]. Комический эффект усиливается с помощью «буквенной» языковой игры: графическое внутрисловное выделение слова-морфемы *мэр* нарушает общепринятое правило написания имени царицы, поскольку языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений.

Рассмотренный пример может служить иллюстрацией к позиции В. И. Шаховского, исследовавшего социолингвистическую проблему связи языка и общества, о том, что «языковая игра является социальным инструментом, поскольку посредством её возможно сознательное моделирование определённых эмоций в извечной оппозиции «мы» (народ) и «они» (управленческие правительственные структуры). Языковая игра всегда заметна в коммуникативных ситуациях, так как она всегда экспрессивна и прагматична. Языковая игра – всегда изобретение новых или замена старых знаков языка, иное употребление, отклонение от формальных» [17, с. 4]. Примечательно, что оппозиция народа и правительственных структур принципиально важна для Проханова, который, по замечанию Владимира Личутина, «может быть, <...> излишне сильно ударился в политику, но ему это, видимо, необходимо. Писательство и политика у Проханова крепко взаимосвязаны. Был бы он домоседом, далёким от жизни государственной, то не был бы он таким ярким и сочным писателем» [7, с. 2]. Своеобразной кульминации игра слов как «социальный инструмент» достигает при создании Прохановым целой галереи портретов политических деятелей: «**Доклад «слабовиков»** внезапным и не совсем обычным образом прервала дама, **Министр социальной беззащитности, нежности и любви...** **Министр неполного образования** не мог отмолчаться и произнес: «Многие знания умножают скорбь», – при этом достал из коробка заранее припасенного клопика и незаметно посадил за ворот **Министру путей разобщения. Министр бескультурья и материцины** заметил проделку соседа, но не выдал его... **Министр финансов и романсов** попытался рассказать, как ему, переодетому в стриптиз-жокея, удалось отсрочить выплату долгов «Парижскому ночному клубу»... **Министр разоружений** самозабвенно танцевал дефиле, крутясь на загипсованной ноге. **Министр катастроф и паводков** рассек целлофановый мешок и выпустил дым сгоревшей тайги в нос **Министра путей разобщения**, от чего тот разом обмяк. **Министр бескультурья и материцины** старательно писал на стене слово из трех букв. **Министр болезней и эпидемий** вел непрерывные споры, в том числе и споры сибирской язвы [12, с. 358–359]. Комический эффект в

приведенном контексте достигается посредством языковой игры, создаваемой различными способами. Так, *Министр социальной защиты* превращается в *Министра социальной беззащитности* на основе антонимичных отношений *защита – беззащитность* (как отсутствие возможности обеспечить защиту кому-либо), что способствует созданию картины состояния абсурда или «помешательства», о котором говорилось выше. Ту же функцию выполняет замена компонента *сообщение* на *разобщение* в должности *Министра путей сообщений* и трансформация *вооружения* в *разоружение* в словосочетании *Министр вооружения*. Заметим, что во всех приведенных примерах наибольшей семантической нагрузкой обладают приставки с семантикой «отсутствие чего-либо». Поэтому и *Министр культуры* превращается в *Министра бескультурья*, что девуалирует позицию писателя по отношению к культурному уровню современного общества. В образе *Министра неполного образования* не только угадывается намек писателя на настоящего Министра образования (прилагательное *неполное* несет уточняющее значение), но и легко понять прохановскую оценку его некомпетентным действиям в образовательной сфере.

Интересен процесс образования словосочетания *Министр финансов и романсов*: хорошо известно выражение *Финансы поют романсы* в значении – «о безденежье: с деньгами худо или их нет или их не хватает» [9, с. 853]. Фраза имеет отношение к «тому, у кого сложилась подобная ситуация, как говорится, самому и не до песен, и не до стихов» [6]. Известно и выражение с другим компонентным составом: *Авансы поют романсы* – о полном отсутствии денег и невозможности их одолжить где-либо [8, с. 12]. Художественно созданная писателем должность становится «намеком» на соответствующий уровень финансовой стабильности.

Как справедливо заметил В. З. Санников, «в „каламбурной упаковке“ грубая непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» [15, с. 59]. Так, существительное *смех* на месте прежних компонентов – *свет* (в названии телепередачи «Вокруг света») и *слово* (в библейской крылатой фразе) раскрывает мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума», так часто встречающийся в «галлюцинаторных» романах Проханова: «*В машине с цистерной на табло загорелась надпись: „Вокруг смеха“... Газ из цистерны под мощным давлением хлынул в вентиляционный люк. <...> Модельер и Счастливчик наблюдали по телевизору воздействие на людей веселящего газа. И если Счастливчик от ужаса закрывал глаза руками и горестно вскрикивал, то Модельер победно вскакивал, подносил к алым разгоряченным губам стакан с чинзано, приговаривая: – В начале всего был смех, и смех был у бога, и смехом был бог» [12, с. 546]. Трансформация компонентного состава в широко известной строке из Нового Завета «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», а именно – превращение существительного «Слово» в «смех» – приводит к явлению, которое сам Проханов именуется «метафизической работой, в которой исчезает обнаженная, голая политика, она закрыта этими разноцветными оболочками, кабелями, она вся сверкает, и весь роман похож на такую елку новогоднюю...» [4, с. 617]. Эффект языковой игры, далеко не комический,*

переходящий к сарказму, отражает обесценивание духовного начала в обществе и усиливается при упоминанию крылатой фразы библейского происхождения. Подобное обесценивание духовного вообще характерно для «галлюцинаторных» романов Проханова [там же]. На основе игры слов происходит трансформация часто повторяемой фразы «такова воля Господа» в разговоре политиков о кандидате в президенты: *«Но уж видно, **такова воля Госдепа**, если он поддерживают кандидатуру Аркадия Трофимовича»* [14, с. 156].

В художественном мире Проханова мэр *Юрий Долгоухий* становится не просто комическим образом, но жалким, горьким подобием великого князя (*«Мэр Юрий Долгоухий стянул замшевое кепи, и его смуглые кудри рассыпались за спиной, придавая сходство с благородным рыцарем»* [14, с. 91]), а фраза героя Достоевского о красоте, которая «спасет мир», представляется в самых немислимых вариантах, неизбежно вызывающих у читателя горький смех (*«– Не правда ли, председатель Совбеза Крышайло похож на крысу? – шутил один юморист. – **Крысота спасет мир**, – со смехом отвечал другой»* [12, с. 83], *«Глава Министерства Внутренних Делишек носил прозвище Крыша, ибо постоянно повторял на коллегии министерства: „**Крышата спасет мир**”»* [12, с. 356], *«Мэр был лыс, и это давало повод любившим его повторять: „**Лысота спасет мир**”»* [12, с. 318]).

Наконец, ещё один из видов смеха в идиостиле Проханова связан с фраземой *волчья улыбка*. Известно, что улыбка – «мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства» [9, с. 832]. В связи с обозначенным выше фразеологизмом вспомним поэтические строки В. С. Высоцкого из стихотворения «Конец „Охоты на волков” или Охота с вертолетов»: *«Улыбнемся же **волчьей улыбкой** врагу – / Псам еще не намылены холки! / Но – на татуированном кровью снегу / Наша роспись: мы больше не волки!»* [3, с. 74] или из прозы В. П. Астафьева «Улыбка волчицы»: *«Зубы ее (волчицы – Е. А.) снова оголились... и снова волной жалости омыло сердце человека. Но меж оголившись, острых, еще молодых зубов волчицы багровела поедь. На серых волосьях вокруг хваткого рта, хищно заваливающегося в углах, смешанная с дикой пеной, желтела застывшая мокрота. <...> И на каждом заостренном кончике волоса ягодкой алела капля крови, отчего серая морда выглядела алчно, и притворно притухшие глаза не могли ее загасить. Лукавое собачье притворство плохо давалось беспощадному зверю. Карпо Верстюк и в самом деле был человеком чувствительным, слезливым от прожитых лет и потерь, от расслабляющего действия киноискусства. Но перед ним юлил хвостом, лицемерил враг, и он приставил карабин к плечу...»* [1, с. 9]. В данном эпизоде дается своеобразная исчерпывающая характеристика *волчьей улыбки*. В. В. Колесов, говоря о смешном в языке, вспоминает о таком выражении, как «кричать (во всю пасть)», что сохранилось только в древнейших текстах; похритати – «насмехаться с презрением»; охрита, похрита – «насмешка, позор»... как в образе у Константина Бальмонта: *«Зубы-то оскалил, будто сме-ех одоле-ел!»*, *«И волк зубоскалит, да не смеется»*, и потому Георгий Федотов заметил, что глумление смех, который убивает прежде всего самого смеющегося. Это смех отрицательный, злобный. Его избегали» [5]. Этими словами и раскрывается суть *волчьей улыбки* героев

Проханова, у которого рассматриваемая фразема связана именно с образом человека, а не животного, приобретая тем самым метафорическое значение: «У светофора рядом с ним остановилась вишневая "мицубиси", шофер опустил стекло, ссытал пепел сигареты, посмотрел на него, раскрывая в медленной **волчьей улыбке** золотозубый оскал» [10, с. 311] или «Есаул улыбнулся длинной **волчьей улыбкой**, обнажив крепко посаженные белые зубы. Скосил глаза на пурпурное пятно, неотвратимо...» [14, с. 312].

Таким образом, смех, репрезентируемый средствами фразеологии, в романах Александра Проханова способствует раскрытию писательского замысла и индивидуально-авторской картины мира. Такие фразеологические единицы, наделенные преимущественно ироническим и сатирическим содержанием, участвуют в создании системы художественных образов прохановских героев и антигероев, представляющих в своем взаимоотношении противопоставление должного, по мысли писателя, и существующего человеческого мира.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Улыбка волчицы / В. П. Астафьев. – М., 1975.
2. Бондаренко В. Т. О смеховой функции русской фразеологии / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. 2001. – № 3. – С. 74–76.
3. Высоцкий В. С. Избранное / В. С. Высоцкий. – М., 1989.
4. Данилкин Л. Человек с яйцом: Жизнь и мнения Александра Проханова. – М., 2007.
5. Колесов В. В. Смех и горе. Русская ментальность в языке и в тексте / В. В. Колесов // Режим доступа: http://allstude.ru/Literatura_i_russkiiy_yazyk
6. Кузмич В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. – Зеленый век, 2000.
7. Литературная газета, №8, 22.02.2008.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2007.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова – С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2005.
10. Проханов А. А. Господин Гексоген. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 6. – М., 2010.
11. Проханов А. А. Идущие в ночи. Роман. / А. А. Проханов. – М., 2008.
12. Проханов А. А. Крейсера соната. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 8. – М., 2010.
13. Проханов А. А. Последний солдат империи. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 4. – М., 2010.
14. Проханов А. А. Теплоход «Иосиф Бродский». Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 9. – М., 2010.
15. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – № 3. – 1995. – С. 59.
16. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru>
17. Симутова О. П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени канд. фил. наук / О. П. Симутова. – Уфа, 2008.

Акімова Катерина. До питання про мовну гру: сміх у фразеології Олександра Проханова / Катерина Акімова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 159–166.

Стаття присвячена питанню репрезентації «смішного» через посередництво фразеологічних одиниць у романах Олександра Проханова. Описано характерні засоби розкриття особливостей ідіостилю письменника.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, фразема, комічне, сміх, гумор, іронія, сатира, мова, ідіостиль.

Ekaterina Akimova. To the Question of the Language Game: Laughter in Alexander Prokhanov's Phraseology / Akimova Ekaterina // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 159–166.

Article is devoted to a question of presentation of «ridiculous» by means of phraseological units in Alexander Prokhanov's novels as to one of ways of disclosing of prominent features of the writer's individual style.

Key words: phraseological unit, idiom, comic, laughter, humour, irony, satire, language, ideal style.

Стаття надійшла до редакції 29 квітня 2012 року